

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны.

(Изъ воспоминаній).

Въ теченіемъ времени Мих. Ив. сталъ болѣе и болѣе цѣнить кронпринца и давать ему большое во всѣхъ отношеніяхъ значеніе; всякіе нападки на принца производили на него неприятое впечатлѣніе; онъ къ нимъ относился очень брезгливо, хотя, конечно, стоялъ отъ нихъ совершенно въ сторонѣ.

Во всякомъ обществѣ, говаривалъ Мих. Ив., вертится немало людей, которые, какъ бы, въ видѣ спеціальнаго для себя занятія, усваиваютъ привычку, во что бы то ни стало, при всякихъ обстоятельствахъ пробавляться дешевенькими остротами, все поднимать на смѣхъ и все серьезное обращать въ посмѣшище. Чѣмъ менѣе развита наблюдаемая среда, тѣмъ болѣе въ ней такихъ смѣшливыхъ субъектовъ—пошлыхъ остряковъ; о чемъ ни заговори, они все по-своему обернуть и грубо, безсмысленно осмѣютъ. Это тотъ пустѣйшій типъ, про котораго сложилась поговорка: „для краснаго словца не пожалѣть и родного отца“. При этомъ каждый изъ нихъ непременно даетъ самъ себѣ цѣну человѣка богатаго остроуміемъ, не замѣчая того, что окружающая среда привыкаетъ смотрѣть на него и на подобныхъ ему, какъ на отпѣтыхъ дурачковъ. — Поощряютъ ихъ лишь тѣ „присяжные“ зубоскалы, которые рады на всякую глупость отзываться смѣхомъ и хохотомъ; имъ только говори, а они ржать будутъ хоть цѣлый день на пролетъ.

У насъ на Руси такими пустыми острословами кишатъ пригородныя села, базары, рынки и мѣстности, заполненные рабочими, по большей части фабричными; тѣмъ не менѣе такіе люди, далеко не единичными, попадаютъ и въ имѣющемъ претензію на развитіе обществѣ, не чуждомъ воспитанія и образованія. Обыкновенно элементомъ, стремящимся увеселять окружающихъ, богата нѣмецкая среда: въ ней всегда имѣется одинъ-другой завзятый острякъ, безъ умолку отпускающій на все и на вся свои особыя нѣ-

мецкія шутки, которыя называются „вицами“; обыкновенно на одинъ удачный виць приходится до сотни плоскихъ, пустыхъ, тупыхъ, а компанія шумить, хохочетъ, веселится.

Вспомнилъ я обо всемъ этомъ, говорилъ Мих. Ив., по поводу того, что именно среди подобныхъ тупоумцевъ и явилось нелѣпѣйшее осмѣяніе лучшей и самой дорогой стороны характера, нрава и вообще качествъ тогдашняго командира II арміи, —наслѣднаго принца прусскаго Фридриха, —его благороднѣйшаго отношенія къ „малымъ, слабымъ и неимущимъ“. Его любовь къ солдату вообще, старательныя всестороннія наблюденія за довольствіемъ подчиненныхъ ему частей во всякое время, усиленіе этихъ наблюденій въ военное время, а въ особенности его, по истинѣ трогательныя заботы о больныхъ и раненыхъ войнахъ, дали поводъ острякамъ окрестить его въ званіе „интенданта при генералѣ Блументалѣ“; этимъ обнаружилось въ нихъ и умышенное извращеніе и грубое непониманіе всего дорогого, цѣннаго, что таилось въ сердцѣ такого рыцаря, какимъ являлся достойнѣйшій принцъ. Эти люди могли оказаться принадлежавшими къ лучшей части тогдашняго прусскаго военнаго общества, они могли выйдти изъ среды наиболѣе учившихся вертопраховъ, надъ которыми въ свое время было приложено много стараній по части стремленія къ ихъ воспитанію, —тѣмъ вѣрнѣе и легче они заслужили осужденія со стороны членовъ именно этой среды; „она спокойно осудила ихъ, признавъ въ каждомъ изъ нихъ „второго Ноева сына“ и тѣмъ обособила ихъ совершенно по заслугамъ.

Господа эти были всѣмъ поимѣнно хорошо извѣстны.

Время было военное; все кипѣло, не приходилось долго разбираться въ такомъ вздорѣ; и все-таки благоразумная часть военнаго общества не пропустила этого эпизода безъ вниманія; она успѣла подчеркнуть презрѣніемъ недостойную выходку нѣсколькихъ бездѣльниковъ, надрывавшихся надъ тѣмъ, чтобы нанести ущербъ непоколебимой репутаціи и престижу стоявшаго во главѣ второй арміи витязя баярда.

Самъ по себѣ человекъ рѣзкій и, въ сущности, большой мастеръ осмѣять того, кто вызывалъ проявленіе его нескончаемаго юмора, — Мих. Ив. не могъ отнестись иначе, какъ съ полнымъ возмущеніемъ къ этой продѣлкѣ.

„Въ сущности все это несомнѣнно мелочь, говорилъ онъ, но нельзя, не возмутиться, —вѣдь въ основѣ этого дѣла стояла какая-то грязная непорядочность, совершенно еврейская“.

*
*
*

Во время австро-прусской войны Мих. Ив. Драгомирову шелъ тридцать шестой годъ. — Не мало поражало такое его теплое, за-

ступническое отношеніе къ кому бы то ни было, а въ особенности къ иностранному принцу; удивительнѣе же всего то, что Мих. Ив. оказался способнымъ отнестись къ кому бы то не было такъ восторженно. Не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь, что впервые рассказъ о принцѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ случилось мнѣ услышать отъ Мих. Ивановича вскользь въ одинъ изъ тѣхъ годовъ, въ періодъ которыхъ онъ предался чтенію и глубокому изученію Евангелія; въ ту пору появилась въ немъ какая-то особая, очень симпатичная мягкость. Это было въ первой половинѣ 80-хъ годовъ; зачитываясь „жизнью и словомъ Христовымъ“, онъ какъ бы искалъ случая поговорить объ этомъ, обильно философствовалъ и, если время его обычныхъ занятій позволяло, онъ легко, съ большимъ увлеченіемъ, отклонялся въ сторону занимавшаго его предмета. Находясь однажды въ помѣщеніи академіи генеральнаго штаба въ засѣданіи правленія народившагося тогда военно-санитарнаго общества, въ которомъ Мих. Ив. Драгомировъ состоялъ предсѣдателемъ, мы услышали отъ него отрывистыя фразы, касавшіяся Евангелія, а затѣмъ, вовлеченный въ дальнѣйшую бесѣду, онъ, мало-по-малу, развилъ подобіе проповѣди на простую тему, о томъ, что больше всего отдаетъ тотъ, кто душу свою полагаетъ за ближнихъ, и за это ему и больше дастся.

Давно это было, уже скоро минетъ тому тридцать лѣтъ.

Перейдя къ слушанію текущихъ докладовъ, онъ какъ-то вдругъ случайно, порывисто привелъ рѣчь къ своимъ воспоминаніямъ о 66-мъ годѣ и при этомъ кратко, но душевно, рассказалъ что-то о наслѣдномъ принцѣ Фридрихѣ. Было ясно видно, какъ цѣнилъ и высоко ставилъ онъ его.

— Это перлъ среди всего, представшаго передо мной въ 66-мъ году, океана пруссаковъ, говорилъ онъ.

Спокойный, въ высшей степени деликатный, ровный, прямой, открытый, безпредѣльно-храбрый, самоотверженный и чистый, чистый безъ конца—наслѣдный принцъ Фридрихъ можетъ служить и всесторонне служить лучшимъ, идеальнымъ примѣромъ для подчиненныхъ, а въ особенности для солдатъ; послѣднее является большой рѣдкостью, такъ какъ другіе, пожалуй, и менѣе высокостоящіе, стремясь держаться выше ¹⁾, не даютъ солдату доступа къ себѣ, а потому онъ не можетъ имѣть случая подражать имъ, брать отъ нихъ то, что, быть можетъ, также и въ нихъ есть достойнаго вниманія или подражанія.

Такъ, ген. Драгомировъ навсегда и затаилъ въ себѣ восторженное отношеніе къ принцу Фридриху; онъ, бывало, расточалъ по его

¹⁾ Въ такихъ случаяхъ Мих. Ив. обычно употреблялъ образное выраженіе: „стремится выше себя прыгнуть“.

адресу такіа похвалы, какія рѣдко слышались изъ его усть вообще, а относительно какого-либо нѣмца никогда и не раздавались;— не былъ Мих. Ив. экспансивнымъ, и тотъ, кто вообще его зналъ мало, не можетъ себѣ представить его такимъ.

Характеризуя принца на разные лады, Мих. Ив., среди его военныхъ качествъ, кромѣ необычайной отваги, подчеркивалъ неизмѣнную находчивость въ боевомъ дѣлѣ и изъ ряду выходящую способность быстро примѣняться къ бою во всякомъ положеніи и при всякихъ обстоятельствахъ, а также примѣрную точность во всемъ при исполненіи своихъ обязанностей. Въ своемъ официальномъ отчетѣ ген. Драгомировъ назвалъ это „примѣрною исполнительностью въ благороднѣйшемъ значеніи слова“; въ день сраженія подъ „Кѣнигсгрецомъ она вполне сказала на ряду съ поучительнымъ образцомъ самоотверженія ¹⁾“.

Описывая со словъ Мих. Ив-ча Драгомирова все видѣнное имъ во время австро-прусской войны, я не берусь рассказывать подробности собственно военныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова дѣйствій—боевъ, операций и военно-походныхъ движеній; несмотря на большое пристрастіе ко всему военному, считаю себя въ правѣ упоминать объ этомъ лишь кое-что и вскользь въ виду того, что боевую сторону этой кампаніи каждый можетъ съ большимъ удовольствіемъ и съ громадною для себя пользою прочесть въ прекрасномъ „Очеркѣ австро-прусской войны М. Драгомирова“ ²⁾.

Вотъ нѣсколько словъ, которыми М. И. однажды закончилъ краткій рассказъ о ходѣ этой удивительной по краткости и по точному исполненію почти всего предначертаннаго кампаніи. Этимъ заключеніемъ онъ хотѣлъ лишній разъ отгнать чудную роль, вынавшую тогда на долю того же принца.

„Извѣстно, что 3-го іюля, въ то время, когда противъ укрѣпленной Кѣнигсгрецко-Лицкой позиціи прусскія войска выбивались изъ силъ надъ изнемогавшею, дѣйствовавшею подъ командой генерала Бенедека, австрійскою арміею, соединенною съ саксонцами, печальная, унылая картина борьбы гигантскихъ армій вдругъ для пруссаковъ освѣтилась прибытіемъ къ Хлуму арміи наслѣднаго принца. Армія та геройски вступила въ линіи боя и за сынами Бранден-

¹⁾ М. Драгомировъ. Очеркъ австро-прусской войны 1866 года; см. статью: „Характеристика личностей высшихъ чиновъ и начальниковъ прусской арміи“.

²⁾ Этотъ очеркъ, на данный отдѣльно въ видѣ отчета вскорѣ послѣ войны, является въ настоящее время библиографическою рѣдкостью; можно также пользоваться имъ для прочтенія на страницахъ журнала „Военный сборникъ“ (См. №№ 1, 2 и 3—январь, февраль и мартъ 1867 года).

бурга закрѣпила изумившую міръ побѣду; австрійцы обратились въ поспѣшное, безпорядочное стихійное бѣгство; они бѣжали громадными толпами, потерявъ всякое подобіе войска, погибая отъ пуль, отъ снарядовъ, отъ изнуренія, при чемъ по пути топили другъ друга въ рѣкахъ. Въ двѣ-три минуты всякое сомнѣніе исчезло; австрійцы и саксонцы понесли пораженіе самое полное, его величественно и грозно принесъ съ собой, оставшіяся и послѣ того спокойнымъ, а главное скромнымъ—„общій любимецъ Фрицъ“.

* * *

Генераль Блументаль состоялъ въ должности начальника штаба той самой II арміи, которою во все время этой кампаніи командовалъ наслѣдный принцъ. Отдавая во всѣхъ отношеніяхъ справедливость способностямъ этого генерала, высокоцѣнившагося въ Пруссіи вообще, Мих. Ив. нерѣдко къ сужденіямъ своимъ о немъ добавлялъ: способный, слова нѣтъ, но какъ будто пужно было бы съ него побавить смѣли; какъ будто бы самъ онъ цѣнитъ себя немного больше, чѣмъ другіе...

Сопоставляя командуящаго II-ой прусской арміей съ его начальникомъ штаба, Мих. Ив., и шутя и серьезно, говорилъ: „сколько въ принцѣ скромности и смиренія, столько же въ Блументалѣ озорства и самомнѣнія, — ни золотника меньше“.

„Озорство — это именно то, добавлялъ онъ, что должно имѣться въ числѣ качествъ, коими обладаетъ человѣкъ, стоящій во главѣ чего-либо большого — какого бы то ни было дѣла, предпріятія; съ тѣмъ вмѣстѣ оно непременно обязательно для высшаго военного начальника, когда онъ поставленъ во главѣ войскъ, назначенныхъ вести военно-походную и боевую жизнь, иначе говоря, когда онъ находится при своемъ дѣлѣ, т. е. воюетъ. — За примѣрами не приходится ходить далеко: и нѣмецкій Фридрихъ, и геній зарейнскихъ друзей нашихъ Наполеонъ и нашъ незабвенный Суворовъ, — всѣ они въ надлежащей мѣрѣ были богаты озорствомъ. И озорство, въ смыслѣ беззавѣтной дерзости къ тому, чтобы въ-время озадачить и общипать врага, да пожалуй и самомнѣніе въ предѣлахъ крайней самоувѣренности при смѣлыхъ предпріятіяхъ, — всѣмъ этимъ хорошо быть одареннымъ для общей пользы, но имѣть и то и другое для своего лишь собственнаго обихода и пользоваться лишь для себя,—куда какъ несимпатично“.

Генераль Блументаль, видимо, пріобрѣлъ и то и другое быть можетъ на полѣ брани, но больше въ частной жизни, какъ человѣкъ избалованный постояннымъ счастьемъ; во всемъ ему везло съ малыхъ лѣтъ. Это крайне невыгодно отозвалось на его характерѣ. Къ озорству и самомнѣнію добавился въ немъ тотъ

крайній эгоизмъ, который не допускаетъ мысли о чьемъ-либо превосходствѣ передъ нимъ, о чьемъ-либо счастьи, кромѣ его личнаго; всякія удачи, выпадавшія на долю кого-либо близко къ нему стоявшаго, всегда вызывали въ немъ зависть и неудовольствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если не обуславливали желаніе напортить тому, кому ниспосылались, то во всякомъ случаѣ возбуждали противъ него безсильный ропотъ и разнообразныя легкомысленно вздорныя осужденія по его адресу.

Окружавшіе знали во всѣхъ подробностяхъ нравъ и характеръ Блументалю: они во всемъ цѣнили его по достоинству. Мих. Ив. Драгомировъ, находясь въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ чинами Прусской главной квартиры, отчасти самъ уловилъ эти черты внутреннихъ качествъ стараго генерала¹⁾; но помимо того нашлись люди, которые подслужились, дорисовавъ ему детали этихъ прелестныхъ свойствъ его, а иные перестарались даже огромными преувеличеніями и усердными прикрасами.

* * *

Какъ безусловно умный и въ общемъ здравый человекъ, генералъ Блументаль несомнѣнно зналъ свой характеръ во всей его непривлекательности и вполне понималъ, какіе толки могутъ ходить о немъ. Съ этой стороны, для него, надо полагать, явилась много болѣе тяжелою непріятность, приключившаяся съ нимъ незадолго до блистательнаго завершенія великолѣпною побѣдою его совмѣстныхъ съ наслѣднымъ принцемъ трудовъ.

Надо же было, чтобы такая исторія вышла именно съ генераломъ Блументалемъ, котораго всѣ хорошо знали по его завистливымъ наладкамъ на всякаго, кому выпадалъ случай стоять непосредственно надъ нимъ. Определенный взглядъ на него вполне укрѣпился; когда прошелъ слухъ о томъ, что этотъ генералъ признавалъ вполне несправедливымъ положеніе, установившееся тогдашнимъ распредѣленіемъ ролей, и считалъ для себя обиднымъ — почему не онъ — пожилой испытанный генералъ, стоитъ во главѣ II арміи, и почему молодой наслѣдный принцъ не могъ бы имъ самимъ быть избранъ въ должность начальника штаба при немъ, — не нашлось людей, которые возстали бы на горячую защиту генерала Блументалю противъ такихъ нареканій. Напротивъ, нашлось не мало такихъ, которые легко и свободно повѣрили этому; а отвергать это всякій несомнѣнно считалъ бы трудомъ неблагодарнымъ, напраснымъ и бесполезнымъ.

При такихъ обстоятельствахъ стало извѣстно въ арміи, что

¹⁾ Во время австро-прусской войны генералу Блументалю шелъ, правда, лишь пятьдесятъ шестой годъ, съ виду онъ казался гораздо старѣе, но все-таки, какъ всѣ очень пожилые пруссаки, смотрѣлъ совершенно бодрымъ старикомъ.

сильные австрійскіе разъѣзды, напавъ на прусскій обозъ, захватили между прочимъ въ свои руки нежелательныя, чисто военныя дѣла и сильно компрометтировавшую многихъ переписку; перечислялось все, что попало къ непріятелю, что могло попасть, а на-ряду съ этимъ, что вовсе и не могло достаться, какъ не существовавшее; надъ всѣмъ же упоминавшимся башней стояли письма, адресованныя начальникомъ штаба II арміи генераломъ Блументалемъ къ женѣ, которую онъ такимъ образомъ посвящалъ въ интимныя свѣдѣнія о плохомъ знакомствѣ его принципала и съ совмѣстными дѣйствіями разныхъ родовъ оружія, и съ военно-походными движеніями ихъ, а также вообще съ отдѣльными дѣйствіями артиллеріи; еще меньше будто бы проявлялъ онъ знанія дѣйствій этого рода оружія особо съ пѣхотой и особо съ кавалеріей; однимъ словомъ, если что и было откровенно генераломъ сообщено дражайшей половинѣ, то несомнѣнно въ штабахъ все это детально прикрасилось до самыхъ высшихъ размѣровъ. Что-то очевидно было прописано что-то узнали австрійцы, вѣроятно безъ всякой пользы для себя, а до какихъ подробностей доходили сообщенія—это за грохотомъ боевой стрѣльбы мало кого занимало, да и не могло интересовать, время-то было небездѣльное.

Сначала прошла молва, что генерала постигнетъ ужасная кара, но вскорѣ стало извѣстно, что Мольтке, нисколько не вступаясь лично за Блументала, высказалъ принципіально свое мнѣніе, состоявшее въ томъ, что каждый воленъ имѣть во всемъ свое мнѣніе, а высказываться въ такомъ заглазномъ видѣ никому не воображается.

Дѣло кончилось ничѣмъ. Къ этому потомъ, послѣ войны, добавляли, съ одной стороны, что не Мольтке главнымъ образомъ, а самъ принцъ горячо вступился передъ королемъ-отцомъ за своего начальника штаба хулителя; съ другой стороны, будто бы Вильгельмъ все-таки обошелъ генерала, попавшагося въ секретной развязкѣ своего языка, и не додалъ ему какой-то награды.

„Я слышалъ однако, рассказывалъ Мих. Ив., что съ этимъ генераломъ было поступлено крайне благородно,—дальше уже идти некуда: Вильгельмъ, оцѣнивая его заслуги по совершенной справедливости и рѣшительно игнорируя обнаруженный бдительностью австрійскихъ разъѣздовъ промахъ, пожаловалъ ему по окончаніи войны Гогенцоллернскій орденъ; этой награды вообще рѣдко кто удостоивается, такъ какъ орденъ этотъ обычно жалуются лишь принцамъ крови и членамъ королевскаго дома“.

* * *

По отзывамъ, слышаннымъ на мѣстѣ при знакомствѣ съ различными генералами прусской арміи, Мих. Ив. долженъ былъ придти къ убѣжденію, что среди нихъ, за исключеніемъ свѣтлаго образа

Мольтке, не было особо выдѣлявшихся или, какъ нынче подводится счетъ по нашимъ аттестаціоннымъ приемамъ, не было особо „выдающихся“. Всѣ наиболѣе способные подходили подъ общій уровень хорошихъ боевыхъ генераловъ; десятокъ—другой такихъ, какъ Блументаль и ему подобные, составляли собою блестящую плеяду.— На нихъ армія могла положиться, а король, при наличности ихъ, долженъ былъ имѣть въ ней полную увѣренность.

Лично Мих. Ив., считая также Мольтке стоявшимъ неизмѣримо выше всѣхъ генераловъ и вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что общій уровень ихъ дѣйствительно представлялъ собой рѣдкій подборъ обстоятельныхъ, искусныхъ и богатыхъ боевымъ опытомъ полководцевъ, выдѣлялъ однако изъ ряда ихъ трехъ наследнаго принца, принца Фридриха Карла и генерала Фойгтъ Реца.

Среди заслугъ послѣдняго нельзя не отмѣтить того, что этотъ другъ Вильгельма прежде всѣхъ, на одномъ изъ военныхъ совѣтовъ, предусмотрѣлъ необходимость скорѣйшаго передвиженія арміи наследнаго принца къ главному району театра разгорѣвшихся въ Богеміи военныхъ дѣйствій, онъ энергичнѣе всѣхъ настаивалъ на безотлагательномъ совершеніи этого передвиженія.

Въ Пруссіи по всей справедливости, кромѣ исполнительницы предначертаній генерала Мольтке—арміи, считались вызвавшими грандіознѣйшую побѣду подъ Кёнигсгрецомъ—наслѣдный принцъ со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Блументалемъ и генералъ Фойгтъ Рецъ.

Вообще въ Пруссіи дѣло „формированія полководцевъ“ поставлено издавна такъ, что первенствующія заслуги за отличный побѣдный исходъ самаго большого сраженія рѣдко засчитываютъ за кѣмъ-либо лично; все предначертанное и намѣченное въ ходѣ кампаніи идетъ своимъ чередомъ, а въ заслугу это ставится „арміи и ея частямъ“; лишь въ видѣ большаго исключенія кто-либо можетъ отличиться лично; каждый отличается, какъ чинъ арміи, какъ ея членъ—солдатъ, офицеръ, штабъ-офицеръ, генералъ, и это идетъ въ общую заслугу. За то нѣтъ въ Пруссіи и того, чтобы надъ кѣмъ-нибудь изъ идущихъ въ бой висѣла гроза отвѣтственности за неудачный исходъ боя, и нѣтъ того, чтобы, какъ неизбежное слѣдствіе проиграннаго сраженія, выплывали осужденія или нападки и наговоры на того или на другого изъ участниковъ.—А для этого нужна громадная выработка увѣренности въ томъ, что рѣшительно никто изъ этихъ участниковъ не поступится ни на іоту исполненіемъ не только долга,—о немъ и рѣчи быть не можетъ,—но и малѣйшей обязанности даже мелкой, обыденной. А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.